

Ольга Балла

Прожить непрожитое: изготовление времени

Соболев А. Грифоны охраняют лиру: Роман

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2020. — 496 с.

Вообще-то Александр Соболев (он же в «Живом журнале» *lucas_v_leyden*) — историк литературы, библиофил, библиограф, архивист, специалист по русской словесности первой половины XX века, на протяжении многих лет извлекающий из забвения малоизвестных, недооцененных, странных авторов этого времени и не(до)прочитанные страницы его литературной истории. Кроме собственных книг¹ и трехтомного аннотированного научного каталога выдающихся памятников письменности XV — начала XX века², Соболев издал литературное наследие³ таинственного киевлянина Артура Хоминского (1888 — после 1915) и сборник поэтических произведений⁴ зоопсихолога, дрессировщика свиней, а также поэта, «филолога и сумасброда»⁵ Михаила Малишевского (1896—1955) (у него заимствует фамилию вкуче с некоторыми личностными чертами один из второстепенных персонажей его дебютного романа). Первый большой художественный текст Соболева уже успели назвать филологическим романом, «книгой-головоломкой»⁶ (Игорь Гулин), «исторической мистикой, семейным романом, политической сатирой, романом взросления, фантастикой, детективом»⁷ (Дмитрий Волчек), «филологически затейливым» текстом, всего более близким к альтернативной истории⁸ (Галина Юзефович), тут же признавая все эти определения по меньшей мере недоста-

- 1 Соболев А. Летейская библиотека: биографические очерки. Страннолюбский перебарщивает. Сконапель истоар. Т. 1—2. Трутень, 2013; *Он же*. Тургенев и тигры. Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М.: Русский Гулливер, 2017.
- 2 Музей книги Петра Дружинина и Александра Соболева: Аннотированный научный каталог выдающихся памятников письменности XV — начала XX века: В 3 т. М.: Слово/Slovo, 2021.
- 3 Хоминский А. Возлюбленная псу: Полное собрание сочинений / Сост. А.Л. Соболев. М.: Водолей, 2013.
- 4 Малишевский М. Полнолуние осени: Стихотворения. М.: Водолей, 2020.
- 5 Михаил Малишевский и его Чанг // Архив Веры Чаплиной. 2016. 14 декабря (<https://vchaplina-arhiv.livejournal.com/71732.html>).
- 6 Гулин И. Приглашение на сказ // Коммерсантъ Weekend. 2021. 29 января (<https://www.kommersant.ru/doc/4654774>).
- 7 Волчек Д. Никодим в несоветской России. О романе «Грифоны охраняют лиру» // Радио Свобода. 2021. 15 февраля (<https://www.svoboda.org/a/31097242.html>).
- 8 Юзефович Г. Если бы Гражданская война закончилась победой белых // Meduza. 2021. 24 января (<https://meduza.io/feature/2021/01/24/esli-by-grazhdanskaya-voynazakonchilas-pobedoy-belyh>).

точными; добавляя, что это «не авантюрно-философский роман, не роман о художнике», а также не «роман о бродячем актерстве»⁹ (Александр Марков); говорили в связи с ним об «игре» и «эксперименте», обращали внимание и на пародийные его черты (что тоже проблематично именно благодаря своей очевидности). Основания для этих определений есть. Но, используя инструментарий всех названных жанров, автор позволяет своему роману благополучно ускользнуть от любых заготовленных ожиданий.

Понятно, книга — умышленная, любое простодушное ее чтение будет недостаточным (поспорить хочется и тут: густота и изысканность тщательно выделанного текста соблазняет довериться ему, пережить наборматываемую им реальность в ее самоценности), она — способ рефлексии целой литературной традиции (по авторскому обыкновению — той, которой не суждено было стать в исторически осуществившейся русской литературе мейнстримом), сложный диалог с нею.

Молодой человек с типичным для своей эпохи именем Никодим (в 1930-е годы, как известно, подданные Российской империи страстно увлекались всем древнерусским, включая ономастикон) случайно узнаёт — матушка невзначай проговаривается — что неизвестный дотоле отец Никодима не кто иной, как культовый прозаик Агафон Шарумкин.

«...Сидя за столом и крутя в пальцах неизвестно откуда приبلудившуюся кофейную чашечку от кукольного сервиза, он смотрел на нее с каким-то тянущим беспокойством: невысокого роста, ладно скроенная, со светлыми короткими волосами, она выглядела моложе своих пятидесяти с чем-то лет, но Никодим отстраненно замечал отдаленные приметы надвигающегося дряхления: появившуюся вдруг склонность к легкой эхололии, заставлявшую ее иногда повторять последнее слово, а то и фразу собеседника; гипертрофированную тщательность мелких движений, маскирующую, как ему показалось, легкий тремор, появляющийся порой в ее тонких пальцах, свободных от колец и перстней, всего того, что она клеймила цыганщиной» (с. 11–12).

(Этой подробно описанной женщине предстоит исчезнуть со страниц романа бесследно; но это участь не ее одной, там многие линии оборваны. Вообще, с приближением к концу реальность отваливается кусками, кусками...)

Шарумкин, как, опять же, всем известно, бесследно пропал. Потрясенный узнанным, Никодим отправляется его разыскивать. Найдет. Правда, похоже на то, что по ту сторону осязаемой реальности. Та же в конце концов, совершенно как в «Приглашении на казнь» Набокова, которого в связи с «Грифонами...» поминают настойчивее всего, обнаружит свою мороковую природу.

И главное: происходит все это в 1950-е годы в России, в которой Октябрьский переворот 1917-го потерпел неудачу и в последовавшей затем Гражданской войне победили белые.

Имя главного героя романа — перенасыщенного аллюзиями, приводящего на ум, кроме неминуемого Набокова, и Кузмина, и Газданова, и Осоргина, и Олешу, и Вагинова... говорящего буквально их голосами¹⁰, — отсылает к ро-

9 Марков А. В поисках утраченного Зайца, или О забытом искусстве полной маскировки // Знамя. 2021. № 2 (<https://magazines.gorky.media/znamia/2021/2/v-poiskah-utrachennogo-zajca-ili-o-zabytom-iskusstve-polnoj-maskirovki.html>).

10 «Такую книгу мог бы написать, например, Владислав Ходасевич, если бы прожил хоть на десятилетие больше... или же Марк Алданов...» (Бавильский Д. Какой же она будет, эта прекрасная Россия прошлого? // Logos Review of Books. 2021. № 1.)

ману Алексея Скалдина «Странствия и приключения Никодима Старшего», вышедшему не просто в 1917 году, но «за несколько дней до Октябрьской революции»¹¹ — основной точки ветвления «нашего» и «соболевского» вариантов русской истории, чего, понятно, автор не мог не держать в голове.

Соболев создал текст, напрямую продолжающий его «домашнюю» эпоху, выговаривающий мир ее языком. Стилизаторство? — Не без этого. Но тут сложнее, глубже, системнее.

Гулин считает, что Серебряный век и его наследников книга продолжает даже на уровне своего устройства, будучи не просто «книгой-головоломкой», а «воскрешающей набоковскую традицию». Но вряд ли автор имел намерение заставить читателя, подбирая к тексту ключи, решать его как головоломку. Скорее, правильные решения здесь не мыслятся в принципе. Они тут не нужны. Как точно заметила Галина Юзефович, все соболевские ребусы в этой книге — «без ключей».

Куда важнее принципиальная таинственность реальности, непроясняемость ее оснований.

Игра ли это все? Разумеется. (Юзефович, критик, максимально сдержанный в негативных оценках, высказывается об этом резко: «...автор из творца собственного мира превращается в его счастливого обитателя, которому куда важнее разложить перед читателем любимые игрушки, чем рассказать целостную, завершённую историю»¹². Ну, любимые игрушки зря не раскладываются, особенно если рассмотреть, какой они природы; да и целостная завершённая история — далеко не всегда ценность и для автора, и для читателя: она с ее завершенностью — всего лишь одна из «игрушек», то есть условностей.) Игра — во-первых, ради удовольствия от процесса; во-вторых, указание на игровую природу культурной реальности как таковой, в-третьих, все это ничуть не отменяет серьезности сказанного.

Что до сатирических аллюзий на нашу с вами современность, они там интересны менее всего, хотя бы потому, что вся эта злоба дня лишь теперь может показаться волнующей. Да и то: многие ли нынче вспомнят, кто такая Фатима Бобоголова, премию имени которой вручает писателям Ираида Пешель и чье иносказание — она сама?¹³ Ну, положим, сейчас ценой некоторого усилия еще возможно догадаться, но лет двадцать спустя уже вряд ли¹⁴. Это не те воробьи, по которым есть смысл стрелять из пушек сложно и тонко организованного текста. Автор не отказал себе в удовольствии порезвиться, подмигивая современникам; имеет право; но не это — сокрытый двигатель его.

Главное тут — поверх барьеров, разделяющих игровое и серьезное. Соболев занимается изготовлением *другого* времени, отличного от доставшегося

11 Конаков А. Что нам делать с Никодимом Старшим? // Знамя. 2021. № 3 (<https://magazines.gorky.media/znamia/2021/3/chto-nam-delat-s-nikodimom-starshim.html>).

12 Юзефович Г. Указ. соч. (<https://meduza.io/feature/2021/01/24/esli-by-grazhdanskaya-voyna-zakonchilas-pobedoy-belyh>).

13 Подсказка: «...через несколько месяцев в Министерстве обороны открылись какие-то чрезвычайные злоупотребления и некоторые из Ираидиных соратников и покровителей были разжалованы, а кое-кто отправлен и на каторгу (где, впрочем, благодаря налаженным связям и предусмотрительным благоволениям тюремщиков надолго не задержался)» (с. 203).

14 Впрочем, автор уверяет, что «вообще в этой книге нет героев с прототипами» (*Волчек Д.* Указ. соч. (<https://www.svoboda.org/a/31097242.html>)).

нам в историческом опыте — по фактуре, по скорости, по типу его восприятия и проживания.

Он создает опыт — литературный, языковой, эмоциональный, чувственный, пространственный (наговаривая свою альтернативную Москву) — нехватку которого, именно как мейнстримного, рутинного, фонового, чувствует русская память.

Поиски Никодимом отца — с одной стороны, конечно, архетипический сюжет, с другой — уловка, необходимая для организации материала, чтобы было на что натянуть языковую ткань.

Соболев выращивает другой русский язык, свободный от примет советского опыта. Так в свое время Игорь Вишневецкий, постоянно вспоминающийся при чтении «Грифонов...», написал свое «Неизбирательное сродство» без единого слова, которого не знали бы русские словари 1835 года. Ближе всего язык «Грифонов...» языку русской эмиграции первой волны в довоенном ее состоянии: Второй мировой в соболевском мире не случилось, значит, нет и лексики, обязанной ей своим существованием.

«Грифоны...» — усилие прожить непрожитое, раздвинуть рамки осуществившегося и возможного. В этом смысле Соболев занят примерно тем же, что и (не факт, что известный ему) Тур Ульвен, о романе которого «Расщепление» мне случилось думать в то же время, что и о «Грифонах...»: воссоздает неслучившееся, как герой Ульвена проживает иные варианты собственной частной жизни. Только в масштабах всей истории XX века.

У такой работы — осуществления чисто языковыми средствами того, что не сбылось иными путями — есть русские аналоги, редкие и тем более ценные: упомянутое «Неизбирательное сродство» Игоря Вишневецкого, намекающего возможности другой русской литературы XIX века, «Три персонажа в поисках любви и бессмертия» Ольги Медведковой, создающей несозданные тексты литератур европейских (в их русских переводах). Но Соболев делает двойную работу: выманивает из небытия и непрожитую русскую историю (главное — быт, человеческие типы, предметы, звуки, запахи...), и ненаписанную русскую литературу. И сам пишет один из ее текстов, — ища ресурсов для нее в литературе по большей части эмигрантской: в *осуществившейся* словесности Другой России.

Всю эту несостоявшуюся литературу он пишет в одиночку, прошивая текст системой отсылок к ней, остающейся как бы за кадром, указаний на ее традиции, обыкновения, ведущие ее фигуры (прежде всего Шарумкина, создающего ее вместе с автором; по упоминаемым текстам Шарумкина видно, какой могла бы быть эта инословесность, избавленная волею истории от соцреализма: самых влиятельных авторов ее занимали бы, как сказал Гулин, «метафизические парадоксы»¹⁵ — устройство бытия и принципиально проблематичная его постижимость). Соболев создает для нее не просто язык, но способ видения мира, интонации.

Соболевскую Россию миновали известные нам катастрофы, но «Грифоны...» — не утопия. Этот мир не «лучше» нашего, он просто другой. (Будучи спрошен, лучше ли была бы литература «той» России, чем наша, автор от-

15 «Сами тексты Шарумкина — метафизические парадоксы, так или иначе посвященные вопросу о загробном существовании» (Гулин И. Указ. соч. (<https://www.kommersant.ru/doc/4654774>)).

ветил: «Не могу, кстати, сказать, что она была бы сильно лучше, чем получилась...»¹⁶⁾

В отличие от бесчисленных изготовителей альтернативной истории, Соболев не испытывает на прочность возможных исторических моделей и вообще цельных моделей не строит, — хотя вычитывать из текста его представления об инореальности, о зазеркальном Иномосковьи, домысливать их страшно интересно. В том же признался и автор, сказавший в интервью, что исторические обстоятельства России «Грифионов...», ход событий, который к ним привел, он не продумывал рационально и сам восстанавливает их «задним числом по тем приметам времени, которые просочились в книгу»¹⁷⁾. «Отвечать за подробную карту этой России или ее исторические хроники, — говорит он, — я бы не взялся»¹⁸⁾. Его ведет язык — который он уж точно выращивает с ощутимой степенью осознанности. Литература его, в точном соответствии с набоковскими представлениями об этом предмете, — феномен языка, а не идей. Он создает сам воздух несбывшейся жизни.

А основное, может быть, его суждение — скорее, предположение — совершенно метафизического свойства: оно — о том, что реальность не сводится к данному в чувственном опыте. И да, смерти нет.

---

16 *Оборин Л.* «Смерти нет — и это, в общем-то, правда» // Полка. 2021. 1 февраля (<https://polka.academy/materials/754>).

17 Там же.

18 Там же.